

ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Д.В. Савенков

Ассистент кафедры философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: savenkov.dmitriy.1997@mail.ru

Проанализированы историософские концепции выдающихся мыслителей Средних веков (Лактанция, Августина Блаженного, Евсевия Кесарийского, Иоахима Флорского, Фомы Аквинского). В результате анализа выявлены такие общие особенности средневекового исторического сознания, как: теоцентризм, провиденциализм, эсхатологизм, линейное понимание исторического процесса, универсализм, трансцендентализм, дистанцирование от фатализма, абстрактность социального идеала. Каждой из выявленных особенностей дана содержательная характеристика.

Ключевые слова: историческое сознание, социальный идеал, линейность истории, Лактанций, Августин Блаженный, Евсевий Кесарийский, Иоахим Флорский, Фома Аквинский

Специфика исторического сознания средних веков не может быть понята без раскрытия особенностей всего общественного сознания той эпохи. Коротко говоря, они состоят в следующем. Как известно, содержание всей духовной деятельности в европейском средневековье было связано с христианской религией, с ее догматами. Христианство сформировалось не на пустом месте, оно опиралось на идейное наследие предшествующих эпох. Как справедливо указывает Л.А. Мусаелян, «христианство возникло в результате взаимодействия двух цивилизаций – Западной (эллинской) и Восточной (семитской). Поэтому средневековое христианское историческое сознание несет в себе следы предшествующих эпох» [2, с. 34]. В основаниях христианства отчетливо проявилось наследие античной философии: Платон и Аристотель оказали значительное влияние на становление идеи единого бога.

Центральная идея христианской догматики – креационизм. Он играет ключевую роль в становлении и развитии исторического сознания средних веков. Как отмечает Р. Коллингвуд, «метафизической доктрине субстанции в греко-римской философии был брошен вызов христианской доктриной творения. Согласно последней, ничто не вечно, кроме бога, а все остальное было сотворено им» [3, с. 47].

Мировоззрению средних веков и, следовательно, историческому сознанию тоже присуща идея конечности истории. Историческое сознание средних веков пронизано эсхатологизмом. Человеческая история, согласно этому взгляду, движется от начала (*создания мира и человека*) к завершению истории, к Страшному суду. Историю, в соответствии с общепринятой средневековой схемой, можно разделить на три этапа: история до Христа, или история мрака; она представляет собой лишь подготовку к событию, которое произойдет в будущем. Второй этап – от Христа до Страшного суда. На этом отрезке исторического процесса религиозные догматы получают свое практическое выражение в действиях людей. На третьем этапе земная история будет завершена, произойдет переход к подлинной божественной истории. В дальнейшей эволюции эта схема детализируется, количество значимых событий в ней увеличивается. Р. Коллингвуд в этой связи отмечал: «<...> История делится на эпохи, или периоды, каждый из которых имеет специфические особенности и отличается от периода, предшествовавшего ему, каким-нибудь событием. На специальном языке историографии такого типа подобное событие называется эпохальным» [3, с. 50].

Важнейшее значение для исторического сознания средних веков имеет вопрос о положении человека в универсуме и в обществе. Люди являются равными изначально по факту своего сотворения. Человек оказывается универсальным существом, которое ограничено в своих возможностях лишь замыслом творца. Ему же было угодно устроить общество иерархическим образом. Это позволяет объяснить социальное неравенство, реально существующее в средневековом (т.е. феодальном) обществе.

Средневековому мировоззрению свойственно также такое качество, как холизм, т.е. представление о мире как о целом, организованном в соответствии с замыслом творца. Это не могло не сказалось на характере исторического сознания в Средние века. Партикулярная история в сознании средневековых мыслителей представляла не как изолированное явление, а как органичная часть истории всего человечества.

Обратимся к наследию наиболее выдающихся мыслителей средних веков, чтобы более рельефно показать особенности исторического сознания того времени. Одним из первых крупных средневековых историков был Лактанций (ок. 240 – ок. 320). Его труды являются ценным историческим источником, так как они созданы непосредственным свидетелем и очевидцем описываемых событий.

Лактанций подчеркивает, что мир, сотворенный богом, в определенный момент времени с необходимостью превращается в небытие. В силу ограниченности человеческого разума мы не можем точно определить, когда это произойдет. «<...> Один лишь Эпикур, – пишет Лактанций, – следуя

Демокриту, оказался правдив в этом деле, когда говорил, что все когда-то было рождено и когда-то погибнет. И тем не менее он не мог открыть, по каким причинам и в какое время уничтожится все это творение» [4, с. 463]. Лактанций связывает предстоящий конец истории со вторым пришествием Христа, которое продиктовано исторической необходимостью, заключающейся в том, чтобы озарить божественной благодатью праведников и наказать страшными муками грешников. Неотвратимость конца истории происходит, по Лактанцию, из сотворенности мира и его конечности в пространстве. Но то, что конечно в пространстве, конечно и во времени. И то, что сотворено богом, есть результат божественного замысла. Следовательно, через конечность исторического процесса раскрывается божественный замысел.

Особое внимание уделяет Лактанций идею божественного пророчества. Выдающийся средневековый мыслитель утверждает, что люди действуют с необходимостью, реализуя замыслы творца. Бог направляет деятельность людей и определяет ее содержание. Но тогда возникает логичный вопрос о том, в чем заключается божественное пророчество, задающее смысл истории. Лактанций пытался на этот вопрос ответить, но нельзя сказать, чтобы его ответ отличался ясностью и последовательностью.

Совершенно очевидно, что каждый человек действует, исходя из собственного понимания своих целей и задач. Таким образом, смысл деятельности каждого человека индивидуален. Иными словами, история является совокупностью единичных смыслов, которые ведут к реализации общего смысла истории. Но каким образом это индивидуальное многообразие смыслов соотносится с монизмом божественного замысла? Ответ Лактанция на этот вопрос таков: «Разумеется, бог хотел видеть и ваять людей под различными Своими образами, словно статуэтки, которыми бы мог услаждать Себя. А если это так, то Он заботится о животных и особенно о человеке, которому подчинил все» [4, с. 472]. Однако, если бог «подчинил человеку все», то человек оказывается свободен совершенно. Такое решение не может устроить религиозно настроенного мыслителя, поэтому он вынужден ограничивать свободу человека внешними (т.е. божественными) установлениями. Получается, таким образом, что бог, даря человеку свободу, в то же время отнимает ее, отрицая за своим творением право на самостоятельное принятие решений. Поэтому свободу человека приходится переносить за пределы истории, в мир, который наступит после Страшного суда.

Обратимся к наследию другого крупного средневекового мыслителя – Евсевия Кесарийского (ок. между 260 и 270 – 339/340). Он предлагает собственную историософскую концепцию, в основе которой лежит представление о линейном характере истории. Его несомненная заслуга перед исторической наукой – создание универсальной хронологии истории различных

народов. Центральной фигурой исторического процесса в концепции Евсевия Кесарийского является, естественно, Христос. «Я поставил себе задачей, – пишет знаменитый теолог, – описать следующие события: преемство святых апостолов; то, что произошло от времен Спасителя нашего и до наших дней; какие и сколь важные дела совершены были, по сказаниям, в Церкви: кто стоял во главе наиболее известных церковных кругов» [5]. История изображается Евсевием в целом в оптимистическом ключе, как поступательное движение от варварства к цивилизации, а затем к пришествию Евангелия и его распространению. Периоды упадка и бедствий он рассматривает как временные отступления от этой генеральной линии, как проявление неравномерности исторического процесса. В его концепции обнаруживается также идея роста основательности истории, но, конечно, трактуемая на христианский лад. «Теперь (после победы Константина – Д.С.) светлый и ясный день, не омраченный никаким облаком, озарил лучами небесного света церкви Христовы по всей земле. Даже тем, кто чужд нашему братству, ничто не мешает пользоваться, если не всецело, то хотя бы долей того, что даровано нам от Бога» [5]. Характерные особенности средневекового исторического сознания наиболее отчетливо прослеживаются в книге Евсевия Кесарийского, повествующей о противостоянии римских императоров Константина и Лициния. Константин одержал победу, и автор усматривает в таком исходе борьбы проявление божественной воли. Бог даровал победу тому, кто сохраняет ему верность, неверных же он обрекает на поражение. «Бог, – пишет Евсевий, – ниспоспал ему (Константину. – Д.С.) свыше победу как достойную награду за благочестие, а злодея со всеми его советниками поверг к ногам Константина...» [5]. Особое значение Евсевий Кесарийский придает миланскому эдикту (313 г.), ибо благодаря последнему происходит восстановление христианского порядка, провозглашается «царство божие» на Земле. Иными словами, элиминируются все противоречия предшествующих периодов, история становится подлинной, она начинает развиваться в соответствии с христианскими принципами. Таким образом, историк намечает некоторый эскиз социального идеала. Вот его недвусмысленное заявление на этот счет: «<...> Не перестанем исповедовать и прославлять Подателя таких благ (Бога. – Д.С.), прощающего все беззакония наши, исцеляющего все болезни наши, избавляющего от гибели жизнь нашу, венчающего нас милостью и щедротами, исполняющего благами желания наши...» [5]. Подобная трактовка факта заключения миланского эдикта не разделялась другими средневековыми мыслителями, она представляет собой оригинальную особенность историософской концепции Евсевия Кесарийского.

Один из наиболее крупных мыслителей средних веков (возможно, самым крупным) был Августин Блаженный (354–430). Он создал целостную

концепцию исторического процесса, в которой особенности средневекового понимания истории нашли свое наиболее полное и последовательное выражение. Августин рассматривает общество как арену борьбы добра со злом. Согласно Августину, ирония истории, заключается в том, что человек, творя добро, невольно совершает зло. Подобное положение вещей объясняется тем, что человек, будучи творением существа абсолютно совершенного, по своей природе изначально греховен. Человек бесконечно мал по сравнению с творцом мира. (Людвиг Фейербах, комментируя этот аспект христианского мировоззрения, замечал: чем богаче по содержанию сущность Бога, тем беднее оказывается сущность человека [6, с.71].) Бог обладает неограниченной властью над человеком. Следовательно, человек зависит от бога абсолютно. Августин в «Исповеди» заключает: «Ты же, Господи, создал мир из материи бесформенной, которая почти "ничто", создал из "ничего", чтобы из этого создать великое, чему изумляемся мы, сыны человеческие» [7, с. 197]. Вот еще одно его суждение на этот счет: «<...> Ничто не могло бы пройти, если бы Ты не содержал всего. И так как "годы Твои не иссякают", то годы Твои – сегодняшний день» [7, с. 10–11]. Полная беспомощность человека делает его неспособным к историческому творчеству, поэтому, согласно Августину, требуется постоянное вмешательство бога в ход исторического процесса. Таким образом, подлинным субъектом исторического процесса оказывается бог. Вся история начинается с бога и заканчивается им.

Важную роль в историософской концепции Августина играет идея первородного греха, лежащего на человечестве. Этот грех неискупим. Божественный Абсолют наделил людей способностью нарушить заповедь воздержания от поедания плодов с древа познания добра и зла, но не дал им возможности искупления. Комментируя этот аспект взглядов Августина, В.И. Уколова замечает: «Первородный грех не мог быть преодолен личными усилиями первого человека или кого-либо из его потомков. Человек обладал свободой, чтобы пасть, но он не имеет свободы подняться» [8]. Вина за грехопадение, таким образом, целиком и полностью лежит на человеке. Эту сторону взглядов В.И. Уколова излагает так: «Сотворенный мир по замыслу Божиему должен был быть прекрасным, лишь первый акт человеческого своеvolutionия приводит к тому, что в своей обращенности к человеку мир становится враждебным и искаженным» [8].

Однако Августину Блаженному чужд фатализм. С его точки зрения, отягощенность человечества первородным грехом не отменяет индивидуальной ответственности человека перед богом за свои деяния. В последующие эпохи идея личной ответственности человека перед историей получает свое развитие. На это обстоятельство указывает, в частности. Л.А. Мусаелян. Он пишет: «Так как выбор индивидуален и обусловлен чувствами и отношением человека к Богу, то исторический процесс приобретает

личностный (персоналистический) характер, проходя как бы через внутренний мир каждого индивида» [2, с. 54]. Конечно, чисто логически идея изначальной греховности человека не может быть совмещена с идеей ответственности индивида за свои поступки. Однако Августин, будучи мыслителем проницательным и чувствующим биение пульса жизни, не встал на позицию фатализма, дистанцировался от нее, ибо понимал, что она делает невозможной нравственную оценку поступков.

В философии Августина наиболее рельефно выражена линейная концепция исторического процесса. Он считал, что история развивается, проходя от этапа к этапу. Всего в истории шесть этапов: от Адама и Евы до потопа, от Ноя до Авраама, от Авраама до Давида, от Давида до переселения евреев в Вавилон, от вавилонского пленения до Христа, и наконец, от Христа до второго пришествия. Второе пришествие знаменует конец истории, и тогда произойдет Страшный суд. На примере Августина хорошо видно, что в средневековом сознании линейная концепция исторического процесса неотделима от эсхатологизма. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что этапы в концепции Августина разделены четкими вехами и в роли последних выступают те или иные исторические события. На эту особенность исторического сознания средних веков указывает Р. Коллингвуд [3, с. 53]. История в средние века мыслилась как процесс движения от одного эпохального события к другому, что придает всему процессу целостность, в которой находит свое выражение воля провидения.

Наше представление об историософской концепции Августина Блаженного будет неполным без упоминания о его размышлениях о борьбе «града земного» и «града небесного». «Град земной» понимается им как воплощение зла, а «град небесный» – как воплощение добра. При этом, что важно отметить, с течением времени происходит перемещение полюса добра с востока на запад. На эту сторону взглядов Августина обратил внимание М.А. Барг. Он пишет: «<...> История (у Августина. – Д.С.) развертывается последовательно – с востока на запад: Рим занял место Вавилона. Рим – мировая держава, посредством которой господу было угодно объединить в единое политическое целое "круг земель"» [1, с. 88]. Таким образом, в концепции Августина Блаженного история оказывается процессом, который не только протекает во времени, но и развертывается в конкретном географическом пространстве.

Согласно Августину, человек – существо, вовлеченнное во вселенскую битву добра и зла. Не зная воли провидения, человек может активно реализовать себя в этой битве, уповая на высшие силы. «Итак, – пишет Августин, – пусть никто не ищет причины, производящей злую волю (*causam efficientem*), так как она не производящая, а изводящая (уничтожающая – *non efficiens, sed deficiens*); потому что и злая воля не есть восполнение

(effectio), но убывание (defectio)» [9]. Смысл истории заключается в постепенном освобождении индивида от своей греховной сущности, в достижении состояния, когда человек снова станет подлинно свободным. Финал исторического процесса – «освобождение» «града божьего» от «града земного», которое произойдет по ту сторону земной жизни.

Таким образом, в концепции Августина наиболее рельефно выражены такие особенности средневекового исторического сознания, как теоцентризм, эсхатологизм, провиденциализм, универсализм, неприятие фатализма.

Рассмотрим основополагающие историософские идеи более поздних авторов: Иоахима Флорского (ок.1132 – 1202) и Фомы Аквинского (1225–1274).

В соответствии с общим духом христианского мировоззрения, Иоахим Флорский помещает бога в центр всего мироздания. Историю Иоахим делит на три периода, которые в соответствии с ипостасиями Троицы называет эрами Отца, Сына и Святого Духа. Первая из данных эр длилась до пришествия Христа, вторая близилась к завершению во времена Иоахима, а третья наступит позже. Жизнь людей в первую эпоху определяется плотью, во вторую – и плотью, и духом, в третью – только духом.

Каждой эпохе соответствует своя степень познания бога и одновременно свой принцип организации человеческой жизни. В познании бога человечество проходит путь от простого знания до частичной мудрости, которая с наступлением третьей эры должна перейти в мудрость совершенную. При переходе от одной эры к другой возрастает и глубина осознания человеком божественной мудрости, и степень человеческой свободы. Если на первой стадии люди рабски повиновались закону, с приходом царства Сына они получили благодать вместе с пониманием закона. Эра рабов (*servorum*) сменилась эрой детей (*liberorum*). На третьей стадии понимание закона станет ещё более глубоким, таким, что оно позволит людям чувствовать себя свободными. В третью эпоху, эру друзей (*amicorum*), люди будут обладать наибольшей степенью благодати [10, с.74].

Историческая концепция Иоахима Флорского представляет собой вариант линейного понимания истории, где в процессе познания бога происходит становление человеческой сущности. Разумеется, бог понимается как сущность абсолютно неизменная, а свойством развития наделен только человек. Согласно Иоахиму, это развитие заключается в росте человеческой свободы, понимаемой, правда, чрезвычайно абстрактно. Идея роста свободы связана в его концепции с представлением об освобождении от индивидуальной греховности (но не от первородного греха, который, в полном соответствии с христианским мировоззрением, мыслится как не поддающийся искуплению). Исторический процесс завершается, опять-таки в точном соответствии с христианской догматикой, установлением царства божия, что окрашивает историософию Иоахима Флорского в оптимистические тона.

Заслугой Фомы Аквинского является разработка целостной концепции свободы и необходимости в историческом процессе. Как сын своей эпохи, Фома Аквинский не мог не считать бога истинным субъектом исторического процесса. Человек же – объект истории. При таком понимании сути дела неотвратимо встает вопрос о том, как избежать тупика фатализма, как наделить человека свободой воли, т.е. признать его ответственным за свои поступки. Стремясь решить эту проблему, Фома выстраивает оригинальную трактовку соотношения случайности и необходимости в истории. Все события, происходящие в действительности, он делит на два вида: те, природа которых случайна, и те, чья природа необходима. Человек свободен в той мере, в какой он вовлечен в события первого вида. По этому поводу Аквинат высказывает следующий тезис: «<...> Что происходит случайно, то, значит, божественное пророчество и предназначило ему произойти случайно» [11]. Таким образом, божественное пророчество дает человеку возможность реализовать свою свободу, предоставляя событиям течь по руслу случайности. Сопоставим только что процитированные высказывания Фомы Аквинского со следующим его положением: «Модусы необходимого и случайного относятся к предвидению Богом всего сущего, а не к предвидению причин» [11]. Таким образом «предвидение Богом всего сущего» противопоставляется «предвидению причин». При подобном подходе область, в которой возможна реализация человеческой свободы, существенно ограничивается. Человек стеснен в своих возможностях, поскольку он не в состоянии повлиять на ход исторического процесса в целом, ему остается только область повседневности, только право принятия решений тактического уровня.

Итак, на основании вышеизложенного можно выделить следующие специфические черты исторического сознания средневековой эпохи, выраженные с той или иной степенью полноты и отчетливости в историософских концепциях выдающихся мыслителей того времени.

1. Теоцентризм. Бог мыслится как единственный субъект исторического процесса. Человеку отведена роль орудия воплощения в жизнь божественного замысла.

2. Провиденциализм. Исторический процесс понимается как поток событий, направляемый волей пророчества.

3. Линейное понимание исторического процесса. Общий ход истории представляется как движение по одному-единственному пути, не допускающее отклонений и вариантов.

4. Эсхатологизм. В соответствии с христианской догматикой история трактуется как линейный процесс, идущий по направлению к Страшному суду и концу света.

5. Универсализм. История понимается как единый процесс, охватывающий все страны и народы. Партикулярные истории вписаны в общий поток событий.

6. Трансцендентализм. Земная история рассматривается как нечто неподлинное и трактуется как тень, как бледное подобие истинной истории, которая оказывается чем-то внешним по отношению к людям и совершается за пределами материального мира.

7. Дистанцирование от фатализма. Средневековое историческое сознание отказывалось принять идею абсолютной предопределенности и с помощью хитроумной системы аргументов оставляло человеку пространство, в котором он мог реализовать свою свободу.

8. Абстрактность социального идеала. Наиболее проницательные умы в Средние века ставили вопрос о достижении социального идеала, однако их представления об этом идеале были самыми общими, расплывчатыми и лишенными конкретики.

Впрочем, абстрактность социального идеала не может быть поставлена средневековым мыслителям в вину, ибо уровень их понимания действительности соответствовал условиям общественного бытия. Этот вопрос, ввиду его теоретической сложности, требует отдельного рассмотрения.

Список литературы

1. Барг М.А. Эпохи и идеи: становление историзма. – М: Мысль, 1987. – 348 с.
2. Мусаелян Л. А. Научная теория исторического процесса: становление и сущность / Изд. 2-е, доп. и перераб. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-т. 2011. – 439 с.
3. Коллинзвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Перевод и комментарии Ю. А. Асеева // Академия наук СССР. – М.: Наука, 1980. – 488 с.
4. Лактаний. Божественные установления. Книги I-VII / Пер. с лат., вступ. ст. В. М. Тюленева. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. – 512 с.
5. Евсевий Кесарийский Церковная история. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2013. – 544 с.
URL: https://azbyka.ru/otechnik/Evsevij_Kesarijskij/tserkovnaja-istorija/ (дата обращения: 22.01.2025)
6. Фейербах Л. Сочинения: В 2 т. Пер. с нем. / Ин-т философии. – М.: Наука, 1995. Т. 2. – 425 с.
7. Августин А. Исповедь Пер. М. Е. Сергеенко. – СПб. Из-во: Наука 2013. – 379 с.
8. Уколова В.И. Историческое сознание взгляд через эпохи // Люди и тексты. Исторический альманах., 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskoe-soznanie-vzglyad-cherez-epochi> (дата обращения: 22.10.2023)
9. Августин А. О граде Божьем. URL: http://az.lib.ru/a/awgustin_a/text_0427_de_civitate_dei-1.shtml (дата обращения 23.01.2024)
10. Joachim of Fiore Enchiridion super Apocalypsim. – Toronto: 1986. – 136 с.
11. Аквинский Ф. Сумма теологии. Часть I. Вопросы 1-43. Перевод Еремеева, А.А. Юдина – Киев: Эльга, Ника-Центр, 2002. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-1/> (дата обращения 14.11.2023)
12. Соколов В. В. Средневековая философия: Учеб. пособие для филос. фак. и отделений ун-тов. – М.: Высш. школа, 1979. – 448 с.

THE PECULIARITIES OF HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF THE MIDDLE AGES

Dmitriy V. Savenkov

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

The historiosophic concepts of outstanding thinkers of the Middle Ages (Augustine the Blessed, Eusebius of Caesarea, Joachim of Flora, Thomas Aquinas) are analyzed. The analysis revealed such general features of medieval historical consciousness as: theocentrism, providentialism, eschatology, linear understanding of the historical process, universalism, transcendentalism, distancing from fatalism, abstractness of the social ideal. Each of the identified features is given a meaningful characterization.

Keywords: historical consciousness, social ideal, linearity of history, Augustine the Blessed, Eusebius of Caesarea, Joachim of Flora, Thomas Aquinas